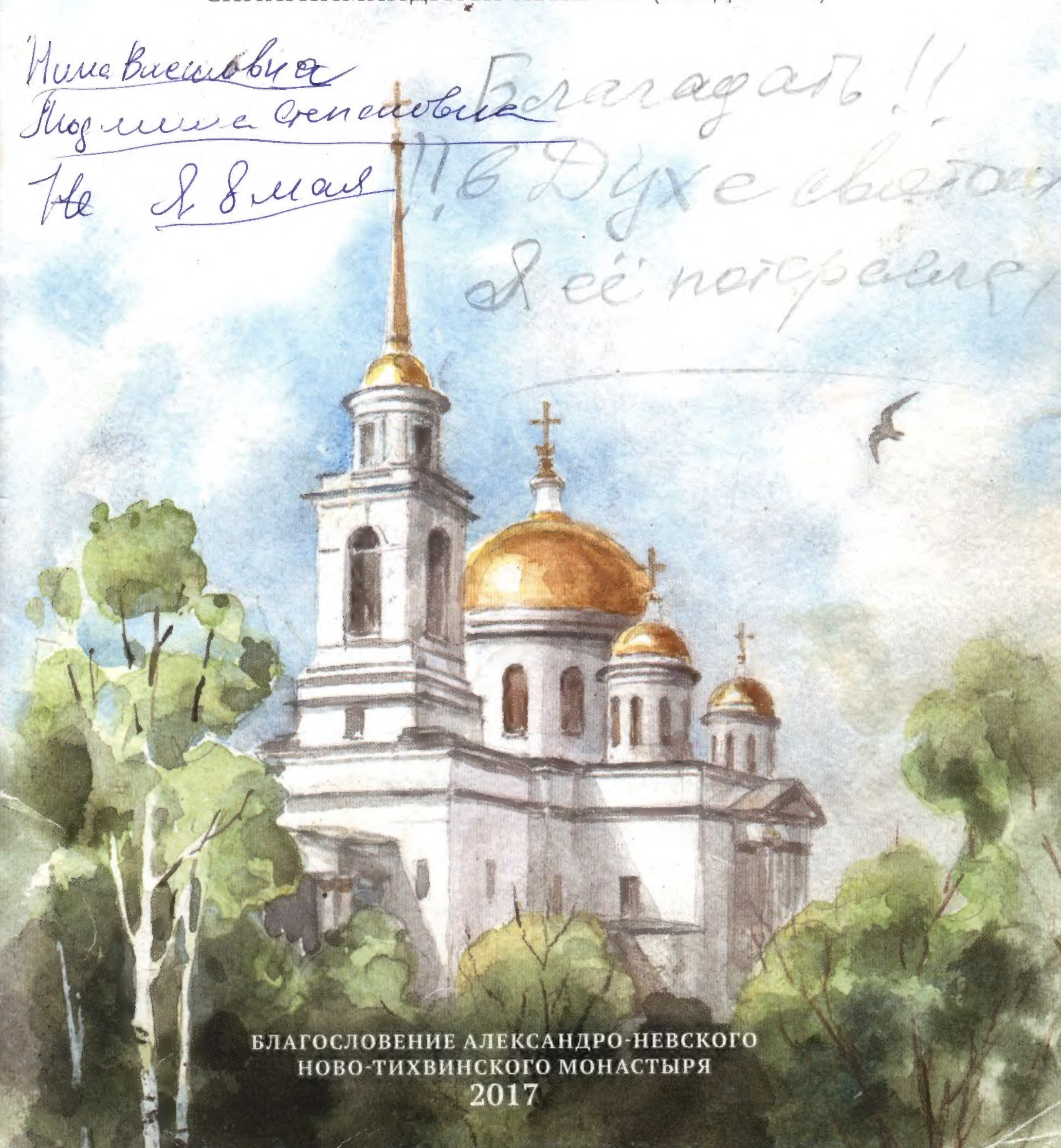
О приумножении Божественной благодати

ИЗБРАННЫЕ ПОУЧЕНИЯ ИЗ БЕСЕД И ПРОПОВЕДЕЙ
СХИАРХИМАНДРИТА АВРААМА (РЕЙДМАНА)

БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО
НОВО-ТИХВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ
2017

О приумножении Божественной благодати

Как глаза созданы для того, чтобы созерцать свет, — если нет света, то и глаза не нужны, — так и душа всегда должна пребывать в общении, в благодатном единении с Богом.

Людей всегда занимал вопрос: в чем смысл жизни? Отчего у человека возникает такой вопрос? От внутренней пустоты, от того, что человек лишился благодати. Человек понимает смысл жизни тогда, когда в его душе присутствует благодать. Тогда все для него становится ясным, четким, определенным, он очень многое понимает и может объяснить. Благодать не только дает нам ответ на вопрос, для чего мы существуем, но и сам вопрос изгоняет из нашего сердца.

Человек был сотворен для того, чтобы бесконечно наслаждаться безграничной, всеобъемлющей, глубочайшей благостью Божией. Может быть, кому-то кажется это скучным, однообразным, однако такое впечатление возникает оттого, что человек не понимает, в чем эта благость состоит. Когда человек в чем-то не разбирается, то ему это кажется непонятным и ненужным. Например, людям, у которых музыкальный вкус

не развит, музыка кажется бессмысленным набором звуков. Грубую, примитивную музыку они еще воспринимают, но не больше того. А люди с развитым музыкальным вкусом различают не только качество произведений, но и более или менее удачное их исполнение, уровень мастерства того или иного музыканта. Человеку, не знающему математики, удивительно, как люди месяцами, годами сидят над решением задач, делают открытия. Ему это кажется нелепым и ненужным. Но люди, разбирающиеся в математике, занимаются этой наукой с наслаждением. Тем более это утверждение верно в отношении богопознания: впечатление однообразия бывает у того, кто далек от Бога и не понимает, что переживания от общения с Ним столь многообразны, утешительны для человека, что могут заменить для него все.

Благодать Божия — это и вода, напояющая и освежающая нас, утоляющая нашу духовную жажду, и одновременно свет, просвещающий нашу тьму, наше неразумие и невежество. А где свет, там и тепло, там согревающая сила. И в Деяниях апостольских сказано, что Дух Святой явился в виде огня. *И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго* (Деян. 2, 3–4).

Во времена недавних гонений на Церковь один священник, находясь в самых страшных, невыносимых условиях лагерной жизни, испытывал необыкновенную Божию благодать, чувствовал, что душой он находится в раю. Тогда же он написал, может быть, неискусное, но искреннее и точно изображающее его состояние стихотворение, в котором есть такие слова: «Среди хулы,

кощунств, визга пилы я чувствую, что я нахожусь в раю». И это он ощущал потому, что с ним был Господь.

То, чего мы стремимся достичь подвигами и молитвами, даруется в крещении христианам сразу. Подвижники лишь раскрыли в себе то, что обрели во время святого крещения. Так и мы должны раскрыть то, что насаждено в нас святыми таинствами, дать этому свободно действовать в нас.

Один из миссионеров, проповедовавших среди инородцев на нашем Севере, крестил одного якута. Крестным был тоже инородец, принявший Крещение ранее. И вдруг во время совершения таинства этот крестный в ужасе закричал: «И у меня так было?! И у меня так было?!» Оказалось, что, когда освящали воду, он увидел, что с неба сходит огонь и погружается в воду. И мы тоже, глядя на пример подвижников, должны воскликнуть: «И у нас так было!» То есть мы в крещении получили ту же благодать, что и они. И мы должны подвизаться и уподобляться им, чтобы стать достойными той безграничной милости Божией, которая излилась на нас в таинстве Крещения.

Слова Евангелия, которые запрещают совершать дурные поступки, мы считаем заповедями Божиими, и стараемся это исполнять. А когда то же самое Евангелие говорит о том, что мы должны просить Духа Святого, что это, собственно, и является целью молитвы, что всякий христианин должен быть рожден от Духа *и источать из своего сердца реки воды живой* (см. Ин. 7, 38), — нам представляется, что к нам эти слова не от-

носятся. Нам ясно, что нужно бороться с блудной страстью, со страстью гнева, и невдомек, что нужно иметь в себе благодать Духа Святого, для того чтобы эти страсти победить. У нас нет дерзновения, чтобы стать истинными христианами…

Мы должны заботиться о том, чтобы всегда пребывать в Духе Святом, всегда иметь благодать, иначе говоря, всегда пребывать в единении с Богом. Что бы человек ни делал: работает ли он, ложится ли отдыхать, участвует ли в богослужении или беседует с кем-то, — он всегда должен заботиться о том, чтобы не потерять благодать Духа Святого, а приобрести ее. А когда христианин теряет благодать Божию? Когда оставляет духовные занятия: внимательную молитву, чтение Священного Писания и творений святых отцов, не заботится о собранности. Постепенно расслабляясь, он утрачивает благодать и при первом искушении падает.

Тот, кто имеет благодать, всегда смотрит на нее как на некую драгоценность, которую легко утратить. Если он согрешил чем-нибудь и благодать умалилась или, может быть, совсем оставила его, то он тревожится, беспокоится, размышляет о том, что нужно сделать, чтобы она вернулась. А кто не испытывает действия благодати, ничего не ощущает в своей душе, тот всегда остается безразличным и спокойным, даже если он совершает не только малый, но и тяжкий грех.

Помните притчу Спасителя, где говорится о человеке, который пришел ночью к своему другу просить три хлеба? Существует такое толкование, что три хле-

ба — это благодать Пресвятой Троицы. В притче человек настойчиво просит три хлеба, стучит, пока ему не откроют. Вот так и мы должны просить в молитве благодати Пресвятой Троицы и просить дерзновенно, до тех пор пока не получим. Эти слова не мои и даже не святых отцов, а Самого Господа нашего Иисуса Христа, Который говорит: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите и отворят вам* (Лк. 11, 9).

Одно дело, когда мы ищем благодать только ради наслаждения, и другое — когда мы понимаем, что, не имея благодати внутри себя сейчас, мы не испытаем ее действия и в будущей жизни. Тот, кто имеет благодать сейчас, может надеяться и на спасение в будущем, потому что мы не сможем на самом деле познать, что такое будущая жизнь, если в нас не будет действовать Дух Святой. Все дается Духом Святым: и вера рождается в нас от действия благодати Духа Святого, и добродетели исполняются силою Духа Святого, и понимание тайн Царства Божия (не утонченное богословское рассуждение, а живая вера, как бы предощущение этого Царства) также дается нам действием Духа Святого. Поэтому проявляя безразличие к стяжанию благодати, мы тем самым со всей очевидностью выказываем наше безразличие к собственной будущей участи, мы обнаруживаем, что не заботимся о своем спасении.

Мы как будто бы со смирением считаем себя недостойными благодати Духа Святого, полагаем, что если мы будем о ней просить, то поступим дерзновенно, горделиво. Однако Господь наш Иисус Христос учит иначе. Он преподал нам молитву «Отче наш», а все прошения этой

молитвы являются в том или ином виде прошениями о ниспослании Духа Святого. И Царство Небесное — это Дух Святой, и волю Божию без Духа Святого невозможно исполнить и даже только познать, и хлеб наш насущный, под которым святые отцы понимают хлеб сверхсущественный, то есть Тело и Кровь Христовы, и прощение грехов, и избавление от искушений — все это дается, совершается и познаётся в Духе Святом и Духом Святым.

Если мы будем с дерзновением молиться о стяжании благодати (лучше всего для этого подходит молитва Иисусова), то это нас обяжет к исправлению, изменению своей жизни, внутреннему вниманию не только к своим поступкам и словам, но и к движению наших мыслей и к малейшим чувствам, возникающим в нашем сердце. Кстати замечу, что можно провести аналогию между молитвой «Отче наш» и Иисусовой молитвой: как все прошения молитвы «Отче наш» являются по сути прошением о Духе Святом, так и молитва Иисусова сводится к просьбе о ниспослании нам Духа Святого. И прощение грехов, и победа над страстями, и все прочее приобретается только действием Духа Святого.

Когда мы устремляемся к Господу, соединяемся с Ним умом, тогда и начинает действовать в нас благодать Святого Духа, до тех пор как бы таившаяся в нас. Если перевести это на аскетический язык, то можно сказать, что для того, чтобы приобрести благодать Святого Духа, нужно стяжать внимание в молитве.

Всякий из нас, кто желает иметь истинную веру, должен всячески стараться приобрести и сохранить

благодать Божию — действие Духа Святого. Только благодаря действию благодати мы сможем за видимым увидеть (конечно, не телесными глазами, но духовным чувством) невидимое, вечное, священное, Божественное. Благодать Духа Святого заставит нас, как кажется, даже против нашей воли переменить свою жизнь и стать теми, кем мы должны быть, — христианами, живущими согласно Евангелию, а не только людьми, которые верят в Бога одним разумом.

Апостол Павел говорит, что мы здесь, на земле, приобретаем *обручение Духа в сердца наша* (2 Кор. 1, 22), которое можно сравнить с обручением жениха и невесты за много лет до вступления в брак. Мы, обручившись сейчас с Духом Святым, в будущей жизни обретем полноту Его благодати или, что то же самое, войдем в Царство Небесное.

О вечности

Нужно свой внутренний взор устремлять в вечность. И стремление к совершенству понимать только в том смысле, что необходимо сделать совершенно все для нашего спасения в вечности. Наши мысли, чувства, переживания, наше общение друг с другом — все это должно быть озарено светом вечности. Само покаяние имеет смысл только в том случае, когда оно освещается вечностью и, если можно так выразиться, происходит от нее, имеет с ней неразрывную связь, когда оно становится

как бы отблеском надмирного бытия, силой, дающей жизнь нашим делам, которые мы совершаем ради того, чтобы прийти к этой вечности и чтобы она стала для нас блаженной, соединила нас с возлюбленным Господом Иисусом Христом.

Под памятью смертной подразумевается не столько воспоминание о смерти, сколько предощущение того, что будет после нее. Поэтому правильнее было бы назвать память смертную — памятью о вечности. Настоящая память смерти, истинная, глубокая, безопасная, проистекает из молитвы, так как во внимательной, искренней молитве человек умом соприкасается с вечностью. В молитве Иисусовой действует само чувство вечности, предощущение того, что ты когда-нибудь переступишь порог этой жизни. С одной стороны, мы и сами должны понуждать себя помнить об этом, но с другой — нам необходимо понимать, что в полной мере ощущение вечности приходит к человеку не столько от собственных усилий, сколько от действия благодати Христовой.

Нам нужно совершать добродетели, помня, что спасение приближается к нам с каждым днем. Мы боимся смерти, потому что земное, человеческое, телесное для нас более реально, чем Божественное и небесное, поэтому мы и страшимся расставания с временной жизнью. Боимся мы еще, конечно, и по той причине, что совесть наша нечиста, мы не раскаялись и не очистились. Приближение часа кончины и Страшного суда для нас есть нечто ужасающее, но если бы мы были истинными христианами, то радовались бы этому, потому что в этом наше спасение. Сейчас, пока мы живем на земле,

мы находимся в плену страстей, обстоятельств, всевозможных скорбей, а когда разрешимся от уз тела, тогда обретем всё, что ради нас было совершено Господом Иисусом Христом.

Сердце наше должно ожить. Оживает оно тогда, когда мы чувствуем, что вечность реальна, действительна. Для этого необходима усиленная молитва, необходимо особенное действие Божественной благодати. Когда окамененное нечувствие уходит из сердца, тогда в человеке появляются страх Божий, страх смерти и покаяние. И как правило, для человека это бывает неожиданно. Как бы много человек об этом ни читал или, может быть, слышал от своих духовных наставников, это происходит всегда внезапно.

Ощущение вечности мы получаем, вкушая во Святом Причащении Тело и Кровь Самого Господа нашего Иисуса Христа, Который есть источник премудрости, родоначальник и творец вечности, искупитель всей твари, наш Спаситель.

Смирение приобретали люди, постоянно помнившие о смерти, постоянно думавшие о вечности. Поэтому и мы должны молиться, соединяя с молитвой воспоминание о смерти, суде, о будущей жизни, — тогда мы избавимся от мнения, будто благодаря своим подвигам что-то собой представляем.

Наша жизнь и все наши поступки как бы рождают для нас вечность — блаженную или страшную, вечную жизнь или вечную смерть.

Как в вечности грешники горят в огне и пребывают в муках, так и в этой жизни они вместо живительного, прохлаждающего сока благодати получают сожигающий и мучающий их огонь страстей. И это, я думаю, многие из нас знают на опыте.

В молодости нам кажется, что у нас вся жизнь впереди. А на самом деле она промчится, как сновидение. Бывает, человеку снится, что он совершает множество дел, а потом просыпается и видит, что все это одни мечтания. Так же произойдет и с нами, когда мы окончим земную жизнь. Призраки и мечтания исчезнут, мы увидим все таким, каково оно на самом деле. И лучше нам проснуться прежде того момента, когда мы все проснемся поневоле. Лучше нам уже сейчас восстать от греховного сна и глазами, просвещенными евангельским светом, взглянуть на нынешнюю нашу жизнь — пока не поздно, пока есть возможность что-то переменить или хотя бы признаться Богу в том, что мы виноваты. Тогда мы можем надеяться, что Христос Бог нас пощадит, ибо Он недалек от нас. Он близ наших глаз, уст, ушей, Он проникает даже в те глубины души, куда не может проникнуть наш ум, — и там находится Христос Бог, Который везде, «все и вся исполняет», то есть наполняет. Поэтому не будем думать, что Господь удалился от нас за наши грехи настолько, что покаяние уже невозможно. Обратим к Нему наш умственный взор, нашу душу. Господь рядом, возле нас, Он в нас самих. Он пощадит нас, очистит и поможет восстать от греховного сна прежде, чем нас пробудит от него смерть и мы перейдем в вечность.

Время не останавливается ни на одно мгновение. Но когда в нашей душе есть залог вечности, залог благодатной жизни, то есть твердая вера (подобно хранившимся в ковчеге Божественным святыням), тогда мы не плывем по течению, время не увлекает нас неудержимым потоком, но, наоборот, мы останавливаем его, «переходим» его и вступаем в вечность. И тогда еще в этой жизни мы овладеваем землей обетованной, то есть тем, что нас ждет в жизни будущей — небесными благами.

Лучше думать не о том, чтобы достигнуть в молитве преуспеяния или какого-то высокого состояния, а о том, что с нами будет в вечности. Тогда и благодати будет больше.

Иногда при чтении Евангелия нас вдруг пронзает чувство вечности, то есть появляется уверенность: все, во что мы верим и о чем мы читаем в Евангелии, — реальность. Мы живо чувствуем, что наша душа бессмертна и что есть нечто безграничное, непостижимое и в то же время не менее реальное, чем та жизнь, которая нас окружает. В иные моменты, когда мы углубимся в чтение Евангелия или в молитву, это «нечто» может показаться нам даже более реальным, чем наша телесная жизнь.

Любить себя нужно правильно: любить свою душу в вечности, а не во времени. Нужно, так сказать, не любить себя на земле.

Будешь *иметь сокровище на небесах* (Мк. 10, 21). Эти слова Господа означают, что, отказавшись от зем-

ного сокровища, мы приобретаем небесное. А что такое небесное сокровище? Это, конечно же, залог спасения, надежда на будущую жизнь. Как состоятельный человек может утешать себя какими-нибудь земными удовольствиями, так и человек богатый духовно, имеющий сокровище на Небесах, способен утешать себя духовными благами уже в этой жизни.

Для нас, ограниченных, грешных людей, вечность — это будущее, но для Бога нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, для Него есть одна как бы простирающаяся во все стороны вечность. И поэтому мы, исполнившись Духа Христова, исполнившись того знания, которое происходит от общения и единения с Богом, приобретаем ощущение того, что вечность для нас уже наступила, что мы уже находимся в Царстве Небесном.

В жизни будущей любовь, как сказал апостол Павел, «пребудет» (см. 1 Кор. 13, 1–13). Человек, совершенствующийся в этой добродетели, правильнее сказать, человек, получающий благодать — ибо истинная любовь есть благодать Божия, — будет испытывать такое многообразие самых прекрасных чувств и ощущений, пребывать в таком блаженстве, в непостижимом, глубочайшем, неописуемом счастье, что это, казалось бы, простое чувство, любовь, наполнит смыслом всю его жизнь. Настолько велика и всеобъемлюща эта добродетель, что вся вечность благодаря ей наполнится смыслом. Кто не познал сказанного в Евангелии на деле, тот не может постичь этой сладости, этого всеобъемлющего переживания. Тот же, кто хотя в малой степени

его испытал и правильно понимает учение святых отцов, описывающих пережитый ими опыт любви к ближним, — поймет, что ради этой единственной драгоценной жемчужины можно продать все, отречься от всего и сделать все только для того, чтобы приобрести ее (см. Мф. 13, 46), потому что она бесценнее всей нашей жизни, бесценнее всего мира.

Мы должны изо всех сил подвизаться, чтобы наследовать вечную жизнь. Если мы и своей краткой временной жизнью дорожим, то насколько страшно потерять жизнь вечную. Мы сейчас вспоминаем наше детство, юность как почти не бывшее, а ведь наступит такое время, когда мы, находясь уже в вечности, будем так же вспоминать и нашу временную жизнь. Помню, например, как я переживал, когда мне в школе ставили плохие оценки, боясь, что родители будут меня ругать, а сейчас мне это кажется смешным. Подобным образом нам будет если не смешно, то странно, зачем мы так сильно переживали о каких-то ничтожных земных неудачах и совершенно не заботились о самом главном — о вечном блаженстве.

Суть христианства в любви

Апостол Павел называет любовь *союзом всех совершенств* (см. Кол. 3, 14). Христианство даже в сознании людей неверующих ассоциируется прежде всего с этой добродетелью, для всех очевидно, что в любви суть

христианства. *Возлюби ближнего, как самого себя,* — сказал Спаситель (Мф. 22, 39). Возлюби его, видя в нем вечный образ Божий, не замечай в нем ничего греховного, временного, случайного. Тогда ничто не помешает тебе служить ему так, чтобы это было полезно и ему и тебе. Ближний, на мой взгляд, — этот тот, кто находится близко, в самом буквальном смысле слова. Это может быть даже тот, с кем мы случайно встретились на остановке, — в это краткое мгновение мы и должны любить его, как самого себя. Таким образом, ближних у нас окажется очень много. И если мы посмотрим на себя трезво, то увидим, что именно эти люди, находящиеся рядом с нами, лишены нашей любви — не только любви, но даже сочувствия, внимания, жалости, хоть какого-нибудь движения сердца, пусть малого и ничтожного. При этом мы легко рассуждаем о любви ко всему человечеству. Но, как говорил Достоевский, легко любить дальнего, но трудно любить ближнего. Поэтому начнем с ближнего — с того человека, который Промыслом Божиим находится рядом с нами.

Приведу один пример, как важно к любому человеку относиться с любовью, сочувствием. Один мой знакомый работал в храме, был дневным сторожем. Однажды в храм пришел парень, совершенно пьяный, встал перед иконой Божией Матери, начал плакать, что-то кричать… Кажется, у него мама была больна раком. А все это происходило во время богослужения, и моему знакомому сказали вывести этого парня из церкви. Он отнесся к нему снисходительно и человеколюбиво, тихонько его вывел, стал с ним беседовать, хотя тот, повторю, был пьян порядочно. Впоследствии они еще

не раз встречались, в результате мой знакомый обратил этого парня к вере, он стал православным христианином и, более того, священником.

Исполнена заповедь о любви к ближнему будет тогда, когда человек искренне, от сердца будет делать ближнему добро и любить своего врага, не глядя на то, как тот к нему относится. Как исполнить высокую заповедь о любви к врагам? Нужно начать с малого. Допустим, я испытываю к человеку ненависть, но не показываю ему этого, стараюсь обращаться к нему приветливо и по возможности делать ему добро. Мотивы при этом могут быть двоякими: это может быть просто лицемерие, и тогда это, конечно, зло, но это может быть и понуждение себя к любви, и тогда это хорошо. Я стараюсь, по крайней мере внешне, не выплескивать то зло, которое есть у меня в душе, таким образом понуждая себя перемениться и внутренне. Если же я думаю, что все ограничивается только внешним, а внутреннюю свою жизнь не пытаюсь переменить, то это иллюзия: на самом деле мне только кажется, что я меняюсь к лучшему.

Приснопамятный архимандрит Софроний (Сахаров) очень мудро замечает: если мы научимся вести себя по-евангельски с теми немногими братьями, которые нас окружают — а каждый из нас похож на других людей, — то научимся любить миллионы людей, и любовь наша распространится на все человечество. Мы научимся любить человечество не теоретически, не в мечтах, а на деле. И наоборот, если мы с презрением относимся к ближнему, находящемуся рядом с нами, то тем самым относимся с презрением к человечеству

вообще. Ведь этот конкретный человек похож на многих людей, разбросанных по всему миру. Сказали мы ему какое-нибудь грубое слово, обидели его — значит, обидели миллионы других людей во всем подобных ему по характеру, имеющих, может быть, подобные слабости.

Мы должны помнить, что обряды и даже таинства — это средства, а любовь — это цель. И в нашей православной среде, к сожалению, существует фарисейство. Люди ходят в храм, всё исполняют и мнят, что от одного этого исполнения, без нравственного совершенствования, они уже спасаются. Но мы для того участвуем в таинствах, в особенности в таинстве евхаристии, чтобы развить в себе любовь к Богу и ближнему. Мы должны всегда помнить, что *любовь больше всех всесожжений и жертв* (Мк. 12, 33).

Иногда говорят: «Посмотрел, как рублем одарил». Значит, можно одним взглядом человеку сделать добро. Будем учиться такому доброму расположению ко всем, кто нас окружает, тогда будет легче жить и нам самим, и всем тем, кто с нами соприкасается, кто с нами общается, кто является нашим ближним.

Мой духовник, отец Андрей (Машков) как-то рассказывал мне о дарственной надписи, которую сделал на своей фотографии выдающийся одесский архипастырь, владыка Никон (Петин). Фотография эта предназначалась близкому человеку владыки, впоследствии священнику, и на ней были простые слова: «Саша, не обижай людей». Отец Андрей восхищался глубиной этих слов. Я тогда этого не понял, подумав: ну и что в

них такого, особенно высокого? А ведь эти слова есть евангельская заповедь. Господь так прямо и говорит: *Не обижай* (Мк. 10, 19). Казалось бы, как просто. На самом же деле — как трудно! Если человек постоянно помнит о том, что никого не нужно обижать, то это говорит о его необыкновенной любви к ближнему.

Прежде чем возлюбить ближнего, необходимо возлюбить Бога. Скажу больше: тот, кто думает, что любит ближнего, а к Богу безразличен, — не имеет настоящей любви к ближнему. В нем просто действует тайная страсть, может быть блудная, может быть тщеславие или какая-нибудь еще, прикрытая видом любви. Любовь к ближнему естественно происходит от любви к Богу... Где есть любовь к Богу — а ее не может быть без молитвы, без воспоминания о Том, Кого любишь, — там есть и любовь к ближнему.

Чтобы правильно любить ближнего, нужно научиться правильно любить себя. Если мы любим себя по-христиански, то есть желаем себе прежде всего вечной блаженной жизни, тогда мы можем правильно любить и ближнего. А если мы желаем себе только плотского благополучия и наслаждения, то будем желать именно этого и ближнему. В природе человека заложена любовь к себе подобным. Может быть, в связи с этим человек пытается распространять свои взгляды и приучать людей к удовольствиям, которые ему самому кажутся необходимыми и вожделенными. Но подлинная любовь не может способствовать тому, чтобы человек грешил. Любовь должна желать человеку не только благополучия телесного, но и чистоты душевной.

Высочайшая любовь — это любовь к врагам. Так рассуждает об этом преподобный старец Силуан. Причем он не теоретизирует, а опирается на собственный опыт. Он, говоря как бы не о себе, а о другом человеке, рассказывает такой случай. Будучи экономом, он велел одному рабочему выполнить какую-то работу. А тот почему-то оскорбился и назвал его при всех собакой. Старцу Силуану это могло бы показаться большим унижением, ведь в монастыре ему подчинялись многие люди, но он отреагировал на это так: дал рабочему чая и сахара и попросил, чтобы тот всегда называл его собакой. Когда читаешь об этом, то кажется, что не произошло ничего необыкновенного: просто бытовой случай. Но на самом деле тот, кто хоть раз пытался вытерпеть оскорбление по-христиански, понимает, что в подобном случае необыкновенно тяжело даже просто промолчать, не то что поступить так, как поступил преподобный Силуан.

Надо осознать, что все мы одинаковы. Один из нас, может быть, немножко умнее, другой — немножко проще, один ростом выше, другой ниже, один здоровый, другой немощный, но на самом деле в нас нет никаких особенных различий. Если же ближний ничем от меня не отличается, то я, любя себя, естественным образом должен любить и его. Если же я думаю, что более достоин любви, это значит, что я считаю себя лучше, чем он. А это иллюзия.

Многие говорят: «Евангелие заповедует любить всех людей, но это же невозможно!» Почему же невозможно? Может быть, я не могу накормить всех людей,

но зато могу помочь нуждающимся соседям, поддержать какую-то семью или пенсионера, не имеющего достаточных средств к существованию. То, что для нас (в нашем теперешнем состоянии) действительно невозможно, — это молиться за все человечество. Древние подвижники — да и сейчас, наверное, есть такие люди — молились за весь мир и духовным образом могли распространить свою любовь на всех людей: и на живых, и на уже умерших, и, может быть, даже на тех, которые должны родиться. Мы не таковы. Если какой-нибудь прихожанин вдруг начнет молиться за весь мир, то он, мягко говоря, намного переоценит свои силы. А вот если он окажет реальную помощь своему ближнему, то есть тому человеку, с которым непосредственно сталкивается в жизни, соседу или сотруднику, то это и будет для него проявлением истинной любви.

Мы не хотим прощать обид ближним до тех пор, пока они, так сказать, не возместят нам материальный и моральный ущерб. Мы требуем, чтобы у нас попросили прощения. Мы требуем, чтобы перед нами покаялись. Мы требуем, чтобы нам вернули все до конца. Но мы забываем, что по отношению к нам Господь проявил не справедливость, а милосердие. Если бы мы научились только одной добродетели — прощать ближним их согрешения против нас, — то Господь как милосердный Отец бесконечно прощал бы нам неизмеримо большие согрешения. И мы должны простить ближнего до конца, так чтобы в сердце нашем не было и тени зла — досады или негодования, а тем паче желания мщения.

Настоящая любовь свободна. Если я буду любить только того, кто делает мне добро, то я окажусь в зависимости от этого человека: он меня любит, значит, и я буду его любить; он начнет делать мне зло — я стану его ненавидеть. В таком случае я раб, я не имею свободы. Любовь же предполагает свободу: я люблю того, кого хочу, люблю всех. Хорошо человек ко мне относится или плохо, пусть даже ненавидит и презирает, я должен его любить, должен делать ему добро. Я свободен, у меня нет зависимости от отношения ко мне людей — вот что даровал нам Христос.

В*о всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12). Этот мудрый и тонкий нравственный принцип касается тех людей, которые потеряли ориентир — живое ощущение любви к человеку. Им нужна некая точка отсчета, с которой они могли бы развить свои нравственные чувства и в конце концов приобрести подлинную любовь.

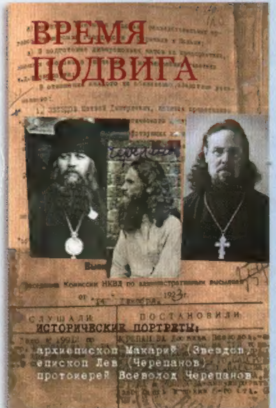
Печатается по изданию:
Авраам (Рейдман), схиархим. В духовной жизни нет мелочей: Избранные поучения из бесед и проповедей. — Екатеринбург: Изд-во Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, 2017.

В оформлении обложки использована акварель екатеринбургского художника А. М. Туманова

ПРАВЕДНЫЙ СИМЕОН ВЕРХОТУРСКИЙ
всея Сибири чудотворец

В XVII веке в уральских селениях, окруженных глухими таежными лесами, появился молодой странник. Звали его Симеоном. Тих и незлобив был праведный Симеон, без славы протекла его земная жизнь, по смерти на долгие годы забвением покрылось его имя. Но Господь бесчисленными чудесами прославил его — и тысячи людей потянулись к нему за помощью. Кто же был этот человек? Чем он так угодил Богу, что Господь прославил его по всей земле? Кому и как он помогает? Вы узнаете об этом, прочитав новое подробное житие святого праведного Симеона Верхотурского, всея Сибири чудотворца.

ВРЕМЯ ПОДВИГА
Исторические портреты

1920–30-е годы... Время сталинских репрессий, время подвига для миллионов людей по всей Русской земле, в том числе и для подвижников нашего края, о которых рассказывается в этой книге. Впервые публикуются материалы из архивно-следственных дел, находящихся на хранении в архивах Свердловской области и России. Книга рассчитана на широкий круг читателей — на всех, кому не безразлична история Православной Церкви на Урале.

СХИАРХИМАНДРИТ АВРААМ
В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НЕТ МЕЛОЧЕЙ

Как прекрасная мозаика состоит из множества мельчайших деталей, так из мудрых мыслей складывается цельная картина духовной жизни. Небольшие размышления о борьбе со страстями, о вечности, покаянии, духовной радости, примеры из повседневной жизни ясно указывают путь, ведущий в Царство Небесное. Надеемся, что краткие, точные советы, освященные святоотеческой традицией, помогут многим с надеждой и уверенностью совершать этот спасительный путь.

ПОСТРАДАВШИЕ В ГОДЫ ГОНЕНИЙ
Портреты и судьбы

Эта книга — о подвижниках Уральского края, пострадавших в годы гонений на Церковь. Они не прославлены в лике святых, однако их судьбы, их исповеднический, а зачастую и мученический подвиг достоин внимания и благоговейной памяти. Архипастыри, иереи, диаконы, монахи, — те, кого большевики называли «исторической гнилью», в действительности оказались евангельской солью, сохранившей Урал от духовного разложения. Многие документы, воспоминания, фотографии публикуются впервые.